

АРАБЕСКИ

Витийствует ветер о скорых метелях,
о дымке восхода с ледышкой алой,
о хрупкости корочек тонких на елях,
о звере-тоске, подобравшем лекала,
о том, как зимой одиноко, и нужен
хоть кто-то под боком, помятый и теплый...
Чтоб было к кому торопиться на ужин
и ждать, отогрев арабески на стеклах.

ФЕВРАЛЬ

«Знай свое место, маленький человек, –
строго диктует февраль под капли и вьюгу, –
сам виноват, что безумный, бессмысленный бег
ты продолжаешь по узкому, тесному кругу».

«Сам виноват», – выдувает по трубам февраль.
«Сам виноват», – и рефрен по ушам отдается.
Выжгу и вытоплю ложь, ты – отчаянный враль,
я из тебя обязательно выдою солнце.

Незачем маленьких втапывать, карой грозить,
будто им век вековать в колее безнадеги,
в марте пригреет, и в теплой дорожной грязи
проснутся дороги.

ЗА НИМ

Только он
умеет так позвать,
что отказаться невозможно.
Его черные восточные глаза
манят в непознаваемые бездны,
а горькие губы шепчут:
«За мной...».
Обещают
непередаваемое удовольствие и
шлейф новых желаний.
Куда деваться...
Сбрасываю тапки и собираюсь за ним.
За кофе.

МАНТРА

Мантрой катаю на языке
камешки гладкие – эл, ю...
Слово оскальзывается на них,
молча камешками пою.

Мчатся камни в водоворот,
булькают в самую тайную глубину,
в душу глотаю, в горячий рот:
люб... люб... люб.